

Проклятье Алатар Лугов Яромир

Яромир Лугов

Проклятие Алатар

<https://litres.ru/74678322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты не можешь выбрать свой путь, если не знаешь, кто ты.

В мире, где магия и предательство переплетаются как корни древних деревьев, судьба сводит юную беглянку Ниниэль и старого мага Вальдена. Она - последняя наследница павшего королевства, чья кровь скрывает силу, способную изменить судьбу миров. Он - легендарный искатель приключений, чье прошлое окутано тенями войн и утрат.

Когда Призрачные всадники, слуги древнего зла, начинают охоту за Ниниэль, Вальден становится её защитником и наставником. Но их путь - это не просто бегство. Это противостояние с высшими вампирами, коварными магами и генералами армии тьмы, каждый из которых жаждет раскрыть секреты Ниниэль. А ещё это история о том, как свет магии сталкивается с тьмой в душе Ниниэль, чьи скрытые тёмные силы пробуждаются, угрожая поглотить всех, кого она любит.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Яромир Лугов

Проклятие Алатар

Глава 1

Глава 1: Странный старик

Яд василиска не жжёт. Он холодит.

Сначала немеют кончики пальцев, потом тяжёлый свинец ползёт по венам к сердцу, вытесняя тепло. Ниниэль прижалась спиной к шершавому камню, судорожно глотая воздух. Щит разлетелся в крошку. Кинжал выпал из ослабевших пальцев куда-то в папоротник.

Чудовище волочило брюхо по хвое. От его дыхания пахло падалью и сырой землёй. Жёлтые глаза горели тупым, голодным инстинктом. "Мама... Папа... Простите..."

В памяти эхом отозвался голос отца, которого уже не было в живых: "Беги, Нини!" — но ей так хотелось услышать и мамин голос, который тоже давно не звучал рядом...

Она закрыла глаза.

Сверху посыпались камни.

— Ох, чёрт! — раздался старческий голос. — Опять эта проклятая трава на утёсе!

Из-за скалы вынырнул старик в плаще, покрытом шрама-

ми от когтей. Он размахивал посохом, будто прогонял назойливую муху. Василиск зарычал, но маг лишь зевнул:

— Закопать? Поджарить? — он почесал бороду. — Или...

Он лениво махнул рукой, словно отгонял назойливую муху. Невидимая сила вдавила чудовище в землю. Кости хрустнули. Чёрная кровь зашипела на хвое.

Старик тут же схватился за поясницу:

— Ай, спина! Ну вот, опять...

Сознание поплыло. Последнее, что она услышала:

— Эй, девочка! Не вздумай умирать — я за лечение беру втридорога!

Запах полыни и дыма вернул её к жизни.

Ниниэль открыла глаза и замерла.

Потолок из почерневших досок. Каждое окно завешено пучками трав. На стене — старый меч с гравировкой: "Для сердца, закалённого в одном горне с моим".

Рядом, на лавке, сидел старик и помешивал что-то в котле.

Она не закричала. Не отпрянула. Просто замерла, как зверь, который не знает, в ловушке он или нет.

Рука метнулась к шее. Цепочка была на месте. Медальон — тоже. Ниниэль сжала его в кулаке и не отпустила.

— Ожила, — старик не обернулся. Говорил спокойно, как человек, который комментирует погоду. — Пей. От моих зелий никто ещё не умирал. Хотя двое пытались.

Он протянул ей глиняную кружку.

Ниниэль не взяла.

Она смотрела на него. На его руки — мозолистые, в шрамах. На посох у стены. На меч. На котёл, в котором что-то булькало.

Кто он? Где я? Это ловушка?

— Не бойся, — сказал старик. Не мягко. Просто. Как факт. — Если бы я хотел тебя убить, не тащил бы тебя сюда.

Ниниэль медлила. Потом взяла кружку. Поднесла к губам. Понюхала. Полынь. Горечь. И что-то ещё — тёплое, травяное.

Она сделала глоток. Маленький. Если это яд — выпьет хотя бы не весь .

Вальден усмехнулся, не оборачиваясь.

— Умница. Осторожность — первое, что должно быть у беглеца.

Ниниэль вздрогнула. Беглеца. Он знает? Догадался?

Она сделала ещё глоток. Потом ещё. Горечь обожгла язык, но внутри разлилось тепло. Яд в венах начал отступать — медленно, как талая вода.

— Где василиск? — спросила она. Голос был хриплым, чужим.

Вальден лениво махнул ложкой в сторону котла. В кипящей жиже плавали корешки лаванды и лепестки белой лилии. Но на дне темнели чешуйки.

— В котле, — хмыкнул он. — Мясо жёсткое, как подошва. Но бульон хороший.

Она отпрянула:

— Вы... сварили его?!

Вальден фыркнул, и в котле что-то зашипело, выпуская дым в виде миниатюрной змейки, которая обвилась вокруг его запястья, а затем растворилась. Он подбросил ложку и поймал её.

— Не переживай. Если бы я его сварил по-настоящему, ты бы чихала от перца. А так — только полынь да дурман. Для восстановления.

Ниниэль не знала, шутит он или нет. Но уголок её рта дрогнул. Совсем чуть-чуть.

— Вы... маг? — спросила она.

— Садовод-любитель, — он подмигнул. — Вальден. А ты? Она молчала. Долго.

— Ниниэль, — сказала она наконец. И замолчала снова.

Вальден не давил. Он помешивал котёл, посвистывая что-то себе под нос. Как будто она была просто гостьей, заглянувшей на обед.

Ниниэль осмотрелась. Хижина была маленькой, но чистой. Травы, книги, инструменты. На полке — глиняные горшки. У окна — издававший виды плащ.

— Где я? — спросила она.

— Рядом с Тихоречьем. Моя хижина стоит чуть поодаль от деревни. — Он помешал котёл. — Ты в безопасности. Пока.

Пока. Это слово зацепилось. Не в безопасности. А пока. Она сжала медальон в кулаке крепче.

Вальден посмотрел на её руку. На побелевшие пальцы, сжимающие металл. На цепочку, врезающуюся в кожу.

Он не спросил, что это за медальон. Не попросил показать.

Просто сказал:

— Поешь. Поспи. А завтра разберёмся.

И отвернулся к котлу.

Она уснула только под утро. И проснулась от запаха свежего хлеба.

На столе стояла миска с кашей и ломоть хлеба. Вальдена не было. Записка, нацарапанная кривым почерком: Ешь. Не броди по лесу. Я у Степана — у него коза рожает.

Ниниэль долго смотрела на записку. Потом на кашу. Потом на дверь.

Она могла уйти. Прямо сейчас. Встать и уйти.

Куда? К призракам? К Суреону? К смерти?

Она села. Взяла ложку. Ела медленно, прислушиваясь к каждому звуку за окном.

Когда Вальден вернулся, солнце уже клонилось к закату. Он нёс в руках ведро с парным молоком и выглядел раздражённым.

— Коза Степана решила родить именно сегодня, — буркнул он, ставя ведро на стол. — Три часа. Три часа я держал эту тварь за хвост, пока она орала.

Ниниэль не ответила. Просто смотрела на него.

Вальден налил ей кружку молока. Поставил рядом. Сел на

лавку напротив.

Он не спросил "как ты". Не спросил "кто ты".

Он просто смотрел. Не на неё. На медальон, который она всё ещё сжимала. На цепочку. На её запястье, которую она прятала под рукавом.

— Мильфград, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

Ниниэль вздрогнула.

— Герб на медальоне, — продолжил Вальден, кивнув на её кулак. — Трещина свежая. Значит, ты бежала недавно. Цепочка натёрла шею — значит, не снимала несколько дней. А на запястье...

Ниниэль инстинктивно спрятала руку под одеяло. Шрам. Спираль.

Вальден увидел этот жест. И не стал просить показать.

— Ладно, — сказал он спокойно. — Не хочешь — не показывай.

Пауза. Треск дров в очаге.

Он помешал котёл. Потом добавил, не глядя на неё:

— Суреон Риглаф. Я знал его. Давно. Пока он не перешёл на сторону Призрачной расы.

Ниниэль замерла. Имя ударило, как пощёчина. Она не ответила. Не кивнула. Просто сжала кулаки так, что костяшки побелели.

Вальден увидел это. И снова не стал давить.

— Они охотятся за тобой, — сказал он. Не вопрос.

Ниниэль молчала. Долго. Потом кивнула. Едва заметно.

Вальден кивнул в ответ. Не спросил ничего больше. Просто принял.

— Тихоречье скрывает магию, — сказал он, глядя в окно, за которым виднелась тихая река, отражавшая звёзды. — И тех, кто её несёт. Пока ты здесь — они тебя не найдут.

Пока. Снова это слово.

— Но не навсегда, — добавил он. — Тихоречье скрывает. Но не защищает от тех, кто ищет целенаправленно.

Он встал. Подошёл к окну. Долго смотрел на реку.

— Я живу здесь десять лет, — сказал он, не оборачиваясь. — С тех пор как ушёл. От войны. От Ордена. От... всего.

Ниниэль смотрела на его спину. На сгорбленные плечи. На то, как он стоял у окна — не как старик, а как человек, который очень долго нёс что-то тяжёлое.

— Ложись спать, — сказал он, оборачиваясь. — Завтра подумаю, что с тобой делать.

Ниниэль не смогла уснуть.

Она лежала, глядя в потолок, и слушала, как потрескивают дрова в очаге. Вальден сидел у окна и чинил посох. Не говорил. Не смотрел на неё. Просто чинил.

Она думала о родителях. О том, как отец читал ей сказки у камина. Как мама заплетала ей волосы. Как они смеялись.

А потом — ночь. Крики. Зеркальный лабиринт. Голос Су-реона: "Ты не уйдёшь, сосуд".

Рука потянулась к сапогу. Пальцы нащупали потрёпанный лист пергамента.

Она достала его. Развернула.

Детская рука неумело изобразила семью: отец с магическим жезлом, мать, поправляющая корону, и между ними — маленькая девочка, держащая их за руки. В углу кривыми буквами: "Для мамы и папы".

Ниниэль смотрела на рисунок. Пальцы дрожали. Она не плакала. Слезы кончились ещё в Мильфграде. Но внутри что-то болело. Глубоко. Как рана, которая не заживает.

Вальден замер. Его взгляд упал на рисунок.

Он не сказал ничего. Не подошёл. Просто смотрел.

Потом тихо сказал:

— Сожги.

Ниниэль вскинула голову.

— Сожаления — яд, — сказал он. Не грубо. Не поучительно. Просто. — Они тяжелее железа.

— Вы тоже потеряли семью? — спросила она. Голос дрогнул.

Вальден молчал. Долго. Потом полез во внутренний карман плаща и достал другой клочок бумаги. Портрет женщины, выполненный углём. Надпись: "Эльвира. 37-е лето".

— Носил этот рисунок дольше, чем мы смогли быть вместе, — прошептал он.

Ниниэль увидела, как его большой палец потянулся к обугленному краю портрета. Привычный жест. Въевшийся в мышцы за годы.

Он шагнул к очагу. Сунул свой портрет в угли.

— Нет! — Ниниэль вскочила.

— Ты хранишь мёртвых, вместо того чтобы защищать живых, — его голос дрогнул.

Она смотрела на свой рисунок. На улыбки родителей. На маленькую девочку между ними.

И медленно, сама, протянула его к огню.

Когда пламя коснулось пергамента, чернила вспыхнули синим светом. Шрам на запястье пульсировал в такт огню — живой, горячий.

Вальден прищурился.

— Твоя кровь помнит то, что даже ты не знала, — про-
бормотал он, пряча руку под плащ.

Он потушил огонь. Протянул ей уцелевший клочок — маленькую девочку между взрослыми. Края чёрные. Середина — целая.

— Остальное должно было сгореть, — сказал он. — Но эту часть оставь.

Ниниэль сжала клочок в кулаке. Пепел въедался в кожу.

Тишина. Только треск дров.

Она не поблагодарила. Не сказала ничего. Просто села обратно. Сжала клочок в руке. И впервые за долгое время "закрыла глаза" — не от страха, а от усталости.

Вальден тихо встал. Укрыл её тканью. Поправил прядь волос, упавшую на лицо.

— Спи, — прошептал он.

Он вернулся к очагу и долго смотрел на пламя. А Ниниэль

спала — впервые за долгое время без кошмаров.

Утром, когда Вальден чистил посох у костра, она подошла к нему.

Не сразу. Она стояла в дверях хижины и смотрела на него. Долго. Как человек, который принимает решение.

Потом подошла. В руках у неё дрожал обугленный клочок пергамента.

— Научите меня.

Голос дрогнул. Но глаза не опустила.

Вальден замер. Отложил посох. Смерил её взглядом.

— Ты же вчера молчала и пряталась за одеялом.

— Я и сейчас прячусь, — сказала она. — Но я устала прятаться.

Вальден хмыкнул. Не зло. Скорее... с уважением.

— Ты хочешь, чтобы я научил тебя магии?

— Я хочу, чтобы никто больше не смотрел на меня как на добычу.

Вальден молчал. Долго. Смотрел на неё. На её сжатые кулаки. На шрам, который она всё ещё прятала под рукавом. На решимость в глазах, которая была хрупкой, как стекло, но настоящей.

— Снег бесплатно.

Он щёлкнул пальцами. Из ниоткуда вылетел снежок, превратился в миниатюрную змейку и шлёпнул Ниниэль в щёку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.